
III. ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.В. Кинжалов

ГЕСИОД И ИНДИЯ

Деление времени по циклам можно отметить почти во всех мифологических системах мира. Но в большинстве случаев такое деление обычно дихотомно: отмечается лишь первовремя, или начальное время предков, и второе, современное. Ритуалы служат средствами связи, своеобразными каналами между этими двумя временами. Деление мира на период хаоса и последующее устроение космоса относится сюда же. Да и пребывание Адама и Евы в Раю и последующая их жизнь после изгнания — это та же двучленная система.

Более сложно построенные мифологемы встречаются достаточно редко. Наиболее выразительны из них — миф о пяти поколениях в греческой мифологии, о котором мы знаем от Гесиода, и ацтекский миф о пяти солнцах (пяти эрах).

В поэме Гесиода (конец VIII—начало VII в. до н.э.) «Труды и дни» (строки 109—201) рассказывается о пяти человеческих поколениях или пяти веках человечества. Первое поколение жило в золотом веке. Люди тогда жили без забот, словно боги, без трудов и без горя. Не было тогда и печальной старости. Руки и ноги людей были всегда сильны. До конца своих дней они могли радоваться своей цветущей молодости. Умирили же они спокойно, как бы погружаясь в сон. Каждый человек имел свою часть во всяком благе. Плодородное поле само приносило обильный урожай. Люди имели достаточно времени, могли делать то, что хочется. Были они богаты и любимы богами. После того, как это поколение приняла в себя земля, люди эти по воле Зевса превратились в добрых духов, в бродящих по земле защитников людей. Они охраняют справедливость и предупреждают злодеяния. Скрытые мглой, обходят они всю Землю. Они же делят между людьми богатство — такова их участь.

Затем олимпийские боги создали второе поколение. Это был серебряный век. Люди этого века уже не могли сравниться с людьми предшествующего и телом, и душой. Они все еще жили долгий век. До столетнего возраста они росли неразумными в доме своих матерей. Став же взрослыми, эти люди жили очень недолго, и много было у них горя из-за собственной глупости: они не могли удержаться от насилия друг

против друга. Не хотели они служить бессмертным богам и приносить им жертвы. Зевс запрятал их под землю в гневе за то, что они не воздавали почести обитателям Олимпа. После этого смертные стали называть их блаженными подземными жителями. Занимают они лишь второе место, но все же им воздаются почести.

Тогда Зевс создал из ясеневоего древка копьа третье поколение — владеющих даром речи людей, людей медного века. Это был страшный и жестокий род людей, заботящихся только о гибельном искусстве войны и признававших только грубое насилие. Они не ели хлеба. Их жестокие души были тверды, словно железо. Никто не мог к ним приблизиться. Они обладали огромной силой, и неодолимые руки росли из их плечей. Их оружие было из меди. Из меди же они строили дома и работали медными орудиями. Черного железа тогда еще не существовало. Люди этого века истребили друг друга собственными руками и сошли в Аид, не оставив своего следа и имени. Черная смерть унесла их, как ни могучи они были.

После этого Зевс создал четвертый род людской, более справедливый и более достойный, чем предшествующий. Это был божественный род героев, которых на Земле зовут также полубогами. Их погубила тяжелая война, человекоубийственная борьба. Часть их погибла на родине Кадма, в семивратных Фивах, в борьбе за стада Эдипа. Другая часть — под Троей, куда они прибыли на своих кораблях ради прекраснокудрой Елены. После их смерти Зевс установил для них образ жизни и обычаи, отличные от людских, и поселил их на краю Земли, вдали от бессмертных богов. Крон стал их владыкой после того, как Зевс разбил его оковы. Там, на островах Блаженных, рядом с глубокими пучинами океана, живут с беззаботной душой счастливые герои; трижды в год поля приносят им сладостный урожай.

Теперь наступил пятый век, железный. Угнетенным людям этого века усталость и нужда не дают покоя ни днем, ни ночью. Тяжелыми заботами наделили их боги. Но за это к множеству зла боги примешали и кое-какие блага. Когда-нибудь и этот род людей будет уничтожен Зевсом. Будет дан к этому знак: люди станут рождаться с седой головой. В течение этого последнего века будет усиливаться угнетение и всяческое зло. Отец и сын не смогут друг с другом поладить. Не будут любить друг друга ни хозяин, ни гость, ни друзья, ни братья, как это было раньше. Люди не будут почитать состарившихся родителей, даже будут бранить их нечестивыми словами, не боясь мести богов, не будут воздавать старым родителям благодарности за то, что те воспитали их. Собственными руками они будут творить суд друг над другом, разрушая города друг у друга. Не будет почета тому, кто хранит клятву, не будет почета ни правде, ни добру. Более всего будут чтить злодеев и насильников. Право они будут попиравать. Совесть исчезнет. Злодей будет вредить достойному человеку, говоря ему лживые слова и произнося лживые клятвы. Зависть будет давать дурные советы несчастным людям, злорадно сопровождая их черным взглядом. Тогда Айдос и Немесида (Совесть и Возмездие), закутав свои прекрасные тела в белые одежды, покинут людей и уйдут с широкой Земли на Олимп, к бессмертным богам. Для людей останутся только ужасные страдания. И не будет ничего, что могло бы устранить зло. Хорошо тем, кто умер до наступления железного века или кто родится в далеком будущем и доживет до золотого века.

В этом гесиодовском изложении мифа следует отметить три существенных момента: наименование поколений по металлам (в других мифологиях — обычно по стихиям или/и богам), регрессивное движение и надежда на наступление золотого века, т.е. представление о замкнутом цикле времени. Примечательно, что четвертое поколение — герои Троянской и Фиванской войн — у Гесиода не определяется никаким металлом. Участники этого века живут вне этой схемы, несомненно более древней, чем время поэта. Думается, что это — вставка самого Гесиода, желавшего придать мифу отпечаток своей, греческой истории.

Сказанию о пяти веках была суждена долгая жизнь. Ее излагает Овидий в «Метаморфозах» (I, 89—150), мы находим этот миф у Арата в его поэме, о нем упоминают Вергилий, Гораций, Ювенал, Бабрий. И теперь, говоря о «золотом» или «серебряном» веке нашей литературы, мы невольно идем по стопам великого беотийского поэта.

Наиболее близкую параллель этому преданию мы находим в индийской мифологии. Это миф о периодах времени, называемых югами. Каждый из них длится три тысячи лет по небесному времени, а так как один небесный год равен 3600 земным годам, то четыре юги составляют 43 200 000 земных лет. Для каждой из этих четырех юг — Криты, Треты, Двапары и Кали — характерно определенное соотношение сил добра и зла. Критаюга — это время повсеместного торжества справедливости. Во время Третаюги справедливость убывает на одну четверть, но жертвоприношениям и обрядам придается большее значение, чем в предшествующем периоде. Религия перестает быть духовной потребностью и превращается в средство для достижения определенных практических целей. Жизнь постепенно становится менее суровой. Во время Двапараюги справедливость уменьшается вдвое. Часть людей изучает четыре «Веды», часть — три, часть — две, а некоторые — ни одной. Благонравие встречается все реже, а обрядов становится все больше, на людей обрушиваются болезни и другие бедствия. Во время Калиюги справедливость, добродетель и благонравие исчезают полностью. Люди пренебрегают обрядами и жертвоприношениями, считая их предрассудками. В мире воцаряются злоба, печаль, голод и страх, а правители ведут себя как разбойники с большой дороги, стараясь любым способом захватить власть и богатство.

Итак, перед нами четырехчастное деление с регрессивным движением. Привязка этих четырех периодов к определенным металлам в индийском мифе выступает не так ясно, хотя последний век иногда называется железным. Не надо, однако, забывать, что индийское предание — продукт многовекового осмысления, переосмысления и философизации (смены «ночей Браммы» и «дней Браммы»). Но о существовании в первичном индоиранском комплексе той же «металлической» классификации достаточно ясно говорит маздеистская традиция, характеризующая поколения мира через металлы. Порядок их почти такой же, как у Гесиода.

Робкая попытка Р. Рота во второй половине XIX в. сравнить текст Гесиода с индийским преданием об эрах не встретила сочувствия и была вскоре забыта. Теперь, однако, ситуация несколько изменилась.

Уже довольно давно выяснилось, что многие места в «Теогонии» Гесиода навеяны, если не сказать сильнее, хурритскими мифами. Таков, например, сюжет одной из хурритских поэм о смене на небесах четырех

поколений богов, аналогичный мифу, изложенному у Гесиода, причем это совпадение не стадильно, а текстуально (ср., например, мотив резака у хурритов и в греческом мифе). Можно привести и другие совпадающие тексты.

Перенос этих мифов совершался через хеттов, культурно тесно связанных с хурритами, и микенских поселенцев в Малой Азии. Поэтому предание о происхождении отца Гесиода из эолийского города Кимы (Малая Азия) в этом отношении достаточно многозначительно.

Известно, что в хурритском царстве Митанни была большая индо-иранская прослойка, оказавшая определенное культурное влияние на местное население. Поэтому представляется достаточно вероятным следующий путь сюжета о четырех/пяти поколениях (веках) человечества: индо-иранский генезис—хурриты Митанни—хетты—микенские поселенцы в Малой Азии—Гесиод.

С.А. Маретина

ЗМЕЯ И ПТИЦА В ИНДУИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Сюжет змеи и птицы проходит едва ли не через все мифологические системы мира, привлекая своей внутренней противоречивостью и неоднозначностью. Эти образы выступают, прежде всего, как антиподы, как самой природой определенные антагонисты, но в то же время можно заметить их своеобразное взаимное тяготение, выражающееся как в противостоянии, так и в периодическом сближении. «С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх» — гласит мудрое изречение из Атхарваведы — последней из ведийских мандал.¹

Действительно, по своему месту в универсальных трехчленных моделях Вселенной (имеющих наиболее яркое проявление в образе мирового древа — Древа жизни) змеи и птицы всегда были полярны; как бы ни менялся конкретный состав животных персонажей на отдельных пространственных сферах (в зависимости от локальной экологии), змеи всегда остаются существами хтоническими, обитателями подземного мира (или миров); птицы же, будучи жителями верхнего светлого мира, представляют солярный круг. И если обратиться ко второму, «заднему», смыслу модели мира, связанному с космогоническим и философским началом, то и здесь сохраняется бинарная оппозиция мест обитания пресмыкающихся и пернатых: с одной стороны — мир демонов, грешников и темных сил, с другой — обитель богов и чистых душ. Отсюда различие в сущностной характеристике и символике рассматриваемых существ: в народном представлении змея чаще всего выступает как олицетворение зла, птица — как светлый образ души.

Все эти черты отчетливо проявляются в мифотворчестве индусов. В частности, в индуистском образе Вселенной в виде яйца Брахмы, вмещающего те же уровни, что и Древо познания и жизни. Оно тоже